

ГЕО
ПОЛИТИКА

Александр Мосякин

ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ ДО ПУТИНА

ТРЕТЬЯ РУССКАЯ СМУТА

Александр Георгиевич Мосякин
От перестройки до Путина.
Третья русская смута
Серия «ГЕО-Политика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73958147

*От перестройки до Путина. Третья русская смута. 2-е издание,
исправленное и дополненное: Вече; Москва; 2025*

ISBN 978-5-4484-5396-0

Аннотация

Яркий публицист, свидетель и исследователь драматических событий конца XX века рассказывает об эпохе крушения Советского Союза, о разрушивших СССР силах, выстроивших на его обломках режим клептократии. Автор вскрывает причины, ввергнувшие советское общество в пучину хаоса, описывает, как государственные мужи, прикрываясь коммунистической демагогией, по злему умыслу или недомыслию привели к краху «Союз нерушимый» и как олигархические группы и национальные кланы раздирали обессиленную и фактически обезглавленную страну.

Повествуя о мучительном возрождении Российского государства, автор считает переломным моментом приход к

власти Владимира Путина, что неожиданно для многих привело к возникновению новой политической реальности.

Содержание

От автора	6
Сумерки коммунизма и пришествие «марсиан»	8
От великой цели до анекдотов	12
По заветам Ильича	19
Социализм, колбаса и власть	36
Признаки агонии	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Александр
Георгиевич Мосякин**
От перестройки до Путина
Третья русская смута
*2-е издание, исправленное
и дополненное*

* * *

© Мосякин А.Г., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

От автора

Сорок лет назад, в марте 1985 года, с избранием Михаила Горбачёва главой Коммунистической партии и Советского государства, Советский Союз и его составная часть Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика вступили в новый этап своей истории, обернувшийся для россиян третьей русской смутой (после начала XVII и начала XX века), приведшей к революционным изменениям и катаклизмам мирового масштаба. Этот бурный и трагический период нашей истории длился пятнадцать лет и завершился с приходом к власти в новой России Владимира Путина. Об этом времени вышла уйма публикаций, фундаментальных исследований, мемуаров и интервью. Но, помимо истории цифр и причинно-следственных связей, есть история событий и фактов, которые эту причинно-следственную связь формируют. Эта книга – о череде известных и малоизвестных исторических событий в указанный отрезок времени, с их осмыслением и анализом, которые дают представление о том времени, его предшествовании и его последствиях.

Костяк этого историко-политического очерка был написан в начале 2000-х и тогда же опубликован в периодической печати в виде небольшой книжки, вызвав живые отклики читателей, политологов, журналистов. Прочтя через двадцать лет написанное тогда, я удивился, насколько актуаль-

ными остаются изложенные мною события, и решил представить вниманию читателя новый, расширенный и переработанный текст, чтобы ярче и глубже высветить канву событий и фактов, рисующих историческую картину смены эпох, которую пережила наша страна в конце прошлого века. Так четыре года назад родилась книга¹, которую уже раскупили. За минувшее время накопились свежие факты, а главное – в 2022 году Россия вступила в новый судьбоносный этап своей истории, в котором значение перипетий, происходивших в конце минувшего века, стало еще более рельефным и значимым. Поэтому я подготовил второе, исправленное и дополненное издание книги, изменив название, потому что оно, на мой взгляд, более точно отражает суть описанных здесь событий.

Мне представляется это важным, потому что нынешняя Россия находится в опасном турбулентном потоке истории, и для ее граждан будет полезно воскресить в памяти и осознать то, что происходило тогда. Трагедия не всегда повторяется в виде фарса, и потому предлагаемые читателям воспоминания с тревогой о будущем будут не лишней информацией к размышлению, которую я предлагаю с уважением ко всем, кто примет или отвергнет написанное.

Январь 2025 г.

---

¹ *Мосякин А.Г.* Третья русская революция. От горбастройки до Путина. М.: Вече, 2021.

Сумерки коммунизма и пришествие «марсиан»

*Рыба гниет с головы.
Народная мудрость*

Завершая в октябре 1961 года выступление на XXII съезде КПСС, лидер компартии и Советского государства Н.С. Хрущёв громогласно изрек: «Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Эти захватывающие дух слова вызвали бурные аплодисменты вставшего в едином порыве зала, перешедшие в продолжительную овацию с криками: «Слава КПСС!», «Ленину слава!», «Да здравствует коммунизм!», «Ур-р-а-а-а!!!». Мне тогда было восемь лет. Мы слушали всей семьей прямую радиотрансляцию речи Хрущёва, и торжественное обещание Никиты Сергеевича, как и ликующая атмосфера съезда, до сих пор звонким эхом отдается в моей голове. На том же съезде была принята третья программа партии – программа построения в СССР коммунистического общества, материально-техническую базу которого должно было создать к 1980 году. Сейчас над этим можно ёрничать, но тогда это не казалось чем-то несбыточным.

XXII съезд КПСС состоялся вскоре после эпохального по-

лета в космос Юрия Гагарина. Как сейчас помню тот день. Я заканчивал 1-й класс Грозненской средней школы № 2. Мы сидели за партами, а наша учительница Юлия Дмитриевна Сергеева что-то нам рассказывала. Вдруг распахнулась дверь, в класс влетела завуч школы и закричала: «Гагарин! Гагарин!!!» Какой Гагарин? Кто такой? – Никто не знал. И тут включили школьный репродуктор, через который Левитан передавал срочное сообщение ТАСС. Мы прильнули к окнам, а там творилось что-то невообразимое! Остановились трамваи, автобусы, автомобили, «давившие на клаксоны». Люди на улице возле драмтеатра имени Лермонтова обнимались, целовались, плакали от счастья, качали на руках какого-то военного (по-моему, летчика), распивали шампанское и кричали: «Ур-р-а-а-а!!!» Ничего подобного за свою жизнь я не видел. Родители сказали, что такое же всенародное ликование было 9 мая 1945 года. Советские люди гордились полетом Гагарина и считали, что если мы человека в космос запустили, то и коммунизм построим. Эти два события в общественном сознании как-то связывались. К тому же народ, выдюживший страшную войну, до и после войны жил бедно, людям хотелось верить в сказочную утопию с молочными реками и кисельными берегами. Им эту утопию пообещали и люди поверили, пусть не все, но очень многие, да и пропаганда еще умела внушать. Повсюду гремели бравурные песни, вроде «Марша коммунистических бригад»: «Будет людям счастье, / Счастье на века. / У Советской власти /

Сила велика! // Сегодня мы не на параде, / Мы к коммунизму на пути. / В коммунистической бригаде / С нами Ленин впереди!»

Однако строительство коммунизма сразу пошло не так. В июне 1962 года из-за повышения цен на мясо, сливочное масло и мясопродукты вышли на демонстрацию рабочие Новочеркасского электровозостроительного завода, которых поддержали горожане. Это была сугубо мирная демонстрация людей, доведенных до отчаяния дефицитом важных продуктов питания, но против «бунтовщиков» власти применили войска, залив город кровью. Это побоище вошло в историю как «новочеркасский расстрел». Впервые со времен Гражданской войны советская власть расстреляла демонстрацию рабочих, сотворив советское 9 января. А в 1963 году, вследствие неурожая из-за засухи, возникли перебои в снабжении не только мясом, маслом и молоком, но и хлебом. Страна первопроходцев космоса и строителей коммунизма оказалась перед угрозой голода. У магазинов с ночи выстраивались злые хлебные очереди. Властям пришлось ввести скрытное рacionamento продуктов и хлебные карточки. Сейчас об этом забыли. Но я прекрасно помню, как тогда мои родители приносили карточки на черный и белый хлеб, а бабушка и мама каждое утро спозаранку ходили их отovarивать. А ведь нефтяной Грозный, где я родился и жил, входил в список городов 1-й категории по снабжению. Чтобы покрыть дефицит хлеба, пришлось срочно продать 200 тонн

золота из государственного запаса, а на вырученную валюту закупить зерно в США и Канаде. С тех пор закупки хлеба за океаном стали в СССР «доброй традицией». «Отсталая» царская Россия перед мировой войной была кормилицей Европы, а Советский Союз на пике своего могущества не мог себя прокормить. Это подрывало веру народа и мира в советский коммунизм, так как люди задавали себе простой вопрос: куда может завести всех страна, обладающая половиной мировых черноземов и не способная прокормить себя, тогда как ее «загнивающие» враги кормят и снабжают всем себя и всех? Не знаю, задавали ли себе этот вопрос кремлевские небожители, но описанные события уже ударили набатным колоколом по СССР, хотя интеллигенция тогда еще пела песни про комиссаров в красных шлемах, а в народе жила вера в правоту советского исторического пути. Вдохновляли и окрыляли народ не речи Хрущёва, а улыбка Гагарина.

От великой цели до анекдотов

И вот минуло двадцать лет. Ситуация в Советской стране и мировоззрение людей кардинально изменились. О коммунизме никто не вспоминал, а исторический оптимизм времени первых полетов в космос улетучился как утренний туман. Во всех слоях общества нарастало недовольство существующим положением дел и подспудно – существующим общественным строем с правящей коммунистической партией во главе. Возникло открытое диссидентское движение, спровоцированное вторжением войск Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года, хотя оно было крайне малочисленным. Зато пассивная оппозиция советской власти, представлявшей собой диктатуру вырождавшейся коммунистической партократии, охватила все этажи и слои советского общества, включая правящую элиту. Вот что после развала СССР признал многолетний работник ЦК КПСС К.Н. Брутенц, бывший в 1980-е годы заместителем заведующего Международного отдела ЦК, курировавшего и финансировавшего мировое коммунистическое и рабочее движение: «Происходила своеобразная деидеологизация руководства (и кадров в целом), эрозия его марксистско-ленинской идейности, в верности которой клялись более всего. Причем в этом процессе – как это ни выглядит парадоксально – руководство и [партийный] аппарат опережали значительную

часть общества». В результате этого молчаливого лицемерия «идеология становилась маской, скрывавшей безыдейность вождей».

Во всех советских городах красовались плакаты: «Мы строим коммунизм!» Все съезды КПСС заканчивались пламенным призывом: «Да здравствует коммунизм!» Но на самом деле никто в коммунизм не верил. Однажды брат Леонида Брежнева, Яков, спросил его: «Будет ли когда-нибудь коммунизм?» И тот ответил: «Ты это о чем, Яша? Какой коммунизм?! Царя убили, церкви уничтожили, нужно же народу за какую-то идею зацепиться». Советские вожди хотели заменить веру в Бога – верой в коммунизм, и эту идею, как лапшу, вешали на уши людям, хотя сами, не веря своим же лозунгам, жили в свое удовольствие под маской созидания рая на земле.

Это лицемерие и ложь народ чувствовал, и жить в атмосфере вранья не хотел, тем более, что с годами разница между декларируемыми идеалами и реальностью росла, а уровень жизни падал, особенно в сфере снабжения продовольствием и товарами народного потребления. Вся страна шпарила анекдоты про компартию, ее вождей и тот самый коммунизм, который партия обещала построить. Народ шутил, что коммунисты не знакомы с учением академика Павлова, иначе они бы сначала испытали коммунизм на собаках. Ни одно застолье не обходилось без политических анекдотов. И хотя в застольных компаниях сидели сексоты, это не оста-

навливало остряков, сыпавших как из рога изобилия анекдотами антисоветского свойства. Вот характерный анекдот той поры.

Сияющий Абрам приходит домой и говорит жене:

– Сарочка, у меня сегодня большой день. Давай его отпразднуем, выпьем шампанского, посидим.

– А в чем дело? – поинтересовалась Сара.

– Я в партию вступил, – торжественно возвестил Абрам.

Сара на него взглянула и, понуричав, сказала:

– Вечно, Авраша, ты куда-нибудь вступишь, то в дерьмо, то в партию.

Откуда такие анекдоты брались, никто не знал, но их было немереное количество. Говорили, что в КГБ есть специальный отдел, который сочиняет анекдоты и «вбрасывает» их в народ. Анекдоты служили паровым клапаном, через который спускались негативные настроения общества, а они со временем только росли.

В Советском Союзе были всенародные праздники – Новый год и День Победы. Были большие религиозные праздники – их празднование властью не одобрялось, но люди Рождество, Пасху и Троицу праздновали, ходили в эти дни на могилы предков и тайком крестили детей (как это сделала моя бабушка, окрестив меня втайне от партийца-отца). Были профессиональные праздники, и были партийно-государственные праздники – 1 Мая и 7 Ноября. К этим дням газета «Правда» публиковала призывы ЦК КПСС к советскому

народу, и когда люди проходили в праздничных кумачовых колоннах перед трибунами, где стояло партийное и советское руководство, «разбавленное» передовиками производства и ветеранами Великой Отечественной войны, то из репродукторов, забивая браваурные марши, торжественно-радостно несло: «Под знаменем марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, под мудрым руководством Коммунистической партии, вперед к победе коммунизма! Ур-р-а-а-а, товарищи!!!» В ответ надо было бодро кричать: «Ур-р-а-а-а!!!» А мы – студенты старейшего в СССР Грозненского нефтяного института – в ответ хором, хотя негромко, посылали партийных бонз и их призывы на три буквы. А потом шли к кому-то в гости – пили, ели, веселились, влюблялись. И всё это жизнерадостное веселье не имело никакого отношения к самим официозным праздникам, они были только поводом для общения. Так было везде и всюду. Люди жили своей обыденной жизнью со всеми ее радостями и горестями, а над ними довлела идеология «из репродуктора», от которой народ тошнило, потому что она изжила себя.

Солнцем этой идеологии был Ленин, обожествление которого, начатое еще при Сталине, превратилось в новую языческую религию. Партийные гимнописцы слагали гимны во славу земного божества. Их было много. Слова одного из них на музыку Серафима Туликова мне запомнились на всю жизнь. Представьте себе: большая сцена, на ней стоит солист Большого театра Павел Лисициан, за ним по диагонали – сто-

цию на него. Артист, рижский коллега по работе, рассказал мне такую историю. В молодости он танцевал в Латвийском национальном ансамбле песни и танца, который в 1987 году был на гастролях в Москве. Девушек и ребят под прищотром товарища в штатском повели в ленинский мавзолей, перед этим проинструктировав, как себя вести, выражая печаль и скорбь на лице. И вот они спустились в «зиккурат» Ильича, скорбно прошли мимо его прозрачного гроба, вышли на улицу, и тут одна девушка говорит: «Es domāju, ka viņš stāvēja» («Я думала, он стоит»). В ответ раздался гомерический хохот ее коллег, причину которого товарищ в штатском (не знавший латышского языка) понять не смог и начал кричать. Когда я услышал этот рассказ, то сам от смеха чуть не упал со стула. А потом еще долго не мог успокоиться, представляя, как посреди кроваво-красной гробницы стоит на постаменте подсвеченная мумия Ильича, отведя левой рукой борт пиджака, а правой указывая из гроба путь в светлое будущее.

Наивная девушка из глубинки, видевшая всюду ленинских идолов, думала, что и в мавзолее стоит такой же, только «живой». Она стала жертвой пропагандистского маразма. Но этого маразма партийные идеологи не замечали. В Советском Союзе марксизм-ленинизм стал новой религией, а Ленин был ее верховным божеством, ни одно его слово не подвергалось сомнению, а собрания сочинений вождя заменили Библию. В итоге некогда живое учение превратилось в зако-

стенелую религиозную догму, в которую сначала свято верили, потом верили потому, что надо было, а на закате СССР уже не воспринимали всерьез, и меньше всего – правящая псевдокоммунистическая элита, озабоченная своей властью и дивидендами, которые она дает, а не построением светлого будущего человечества, о чем когда-то пеклись марксисты-ленинцы, хотя иначе и быть не могло.

По заветам Ильича

В наши дни французский политик Мари Ле Пен, предрекая Евросоюзу судьбу СССР, сказала, что «советская империя рухнула из-за своей идеологической нелепости», и она права. Советское государство и общество были построены по идейным догматам Ленина. Октябрьская революция в России должна была послужить запалом к свержению мировой капиталистической общественно-экономической формации и ее замены коммунистической формацией, основанной на отмене частной собственности на средства производства, которые экспроприируются в общенародную (государственную) собственность путем насилия, осуществляемого через диктатуру пролетариата, в котором марксисты видели класс-мессию, призванный историей избавить человечество от эксплуатации и социального неравенства и построить рай на земле.

Поэтому сразу после захвата власти большевики начали «экспроприировать экспроприаторов» под лозунгом «грабь награбленное». Этот популярный ленинский лозунг вызывал критику партийных товарищей. Но, выступая 29 апреля 1918 года на заседании ВЦИК с докладом о важнейших задачах советской власти, пролетарский вождь ответил оппонентам: «Попало здесь особенно лозунгу: „грабь награбленное“, – лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу

найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? (Аплодисменты)».

Но лишить буржуазию собственности и имущества – это еще полдела. В том же докладе на заседании ВЦИК Ленин сказал: «Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что это – задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет».

Ленин считал, что социализм и буржуазия – вещи несовместимые. По его мнению, надо было уничтожить на корню частную собственность, сделать всех одинаково неимущими, а буржуазию и непролетарские слои населения заставить работать на Советское государство. «Нам надо не только „запугать“ капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему, – заявил Ленин. – Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление... Нам надо заставить работать их в новых организационно-государственных рамках. Недоста-

точно „убрать вон“ капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных „сопротивленцев“) поставить их на новую государственную службу. Это относится и к капиталистам, и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д. И мы имеем средство для этого».

Вот оно: «Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства... самым могучим средством учета и контроля, таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и на богатых вообще, будучи применено к ним рабочими, даст невиданную еще в истории силу „приведения в движение“ государственного аппарата, для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и принуждения к труду сильнее законов конвента и его гильотины... „Кто не работает, тот не должен есть“ – вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов».

По Ленину, получается, что каждый гражданин от рождения виновен перед социалистическим государством и должен эту вину всю жизнь искупать, трудясь в поте лица. А чтобы контролировать отправление трудовой повинности, Ленин предложил ввести всеобщую трудовую паспортизацию. «Рабочая книжка есть у каждого рабочего, – писал он. – Его не унижает этот документ, хотя он теперь, несомненно, является документом капиталистического наемного рабства...

Советы введут рабочую книжку для богатых, а затем с постепенностью и для всего населения... Рабочая книжка перестанет быть признаком „черной кости“, перестанет быть документом „низших“ сословий, свидетельством наемного рабства. Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше „рабочих“, но зато и нет никого, кто бы не был работником».

Ленин решил заменить капиталистическое «наемное рабство» – социалистическим, и построить общество, состоящее из однородной массы лишенных собственности и «лишнего» имущества работников, повязанных трудовой повинностью и работающих на пролетарское государство за пайку хлеба, размер которой и получателей определяло тоже государство. А чтобы эта модель работала, «решающим является организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов».

Такое общество было создано. Сначала – в виде военного коммунизма, который покоился на введенных советской властью в мае 1918 года хлебной монополии и продовольственной диктатуре, приведших к продразверстке – насильственному изъятию у крестьян хлеба и других продуктов по установленной («разверстанной») норме продукта и государственным ценам. Через три года эта политика ввергла русский народ в страшный голод, а Советское государство привела на грань гибели из-за крестьянских восстаний и бунтов в армии, что вынудило Ленина «изменить всю нашу точку

зрения на социализм» и ввести новую экономическую политику, сутью которой было возвращение к капиталистическим формам экономической жизни при политической власти РКП(б). Сталин в конце 1920-х годов свернул НЭП и вернулся к ленинской модели построения общества, приспособив ее к нуждам индустриальной модернизации. Эта командно-административная социально-экономическая модель почти в неизменном виде просуществовала до конца СССР, неся в себе родовые изъяны.

* * *

В Советском Союзе не было безработицы (кто не работал, тот не ел), и все работали на государство. На себя или на «дядю» работать можно было только в особых случаях с разрешения государства, хотя артельный труд в сталинские времена приветствовался. Кто отлынивал от трудовой повинности, объявлялся тунеядцем и должен был сидеть в тюрьме. Хотя тунеядцем был сам Ленин, который до 47 лет нигде не работал и ездил по Европе на деньги, которые разными путями (включая криминальные) добывали ему другие люди. Ограбление банковского конвоя в Тифлисе в июне 1907 года, осуществленное с ведома Ленина и Сталина бандой С. Тер-Петросяна (Камо), сопровождавшееся террористическим актом с десятками жертв, позволило Ленину и его близким несколько лет снимать четырехкомнатную квар-

тиру в Париже и быть акционером компании Metro, ведя безбедную буржуазную жизнь. Грезя о мировой пролетарской революции («революции нищих»), Ленин комфортно жил на кровавые деньги и угрызений совести не испытывал. Столь же аморальным и циничным было его окружение. Профессиональные революционеры работать не хотели, зато все остальные должны были «пахать», при их власти – за пайку хлеба. «Экспроприировав экспроприаторов», большевики создали «палочный» социализм. Но лишив людей собственности, богатств, заставив «пахать» на советскую власть и так решив проблему социального неравенства и безработицы, Советское государство получило проблему экономическую, так как между всеобщей занятостью населения, работой за гроши и эффективностью экономики существует обратная связь. Впрочем, в 1930-е годы советская экономика была весьма эффективной. Поверившие в светлое будущее молодые строители нового мира с энтузиазмом вкалывали, совершая трудовые подвиги, и был еще трудовой ГУЛАГ. Но со временем «квасной» энтузиазм потух и людям надоело «пахать» на государство за пайку хлеба: люди делали вид, что работают, а государство делало вид, что платит им за работу. В итоге не стало ни безработицы, ни эффективной работы.

А вот еще один ленинский постулат: «Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо – и на Советскую власть... и на рабочую массу». То есть советские работники

не должны получать высокую зарплату, которая развращает людей. Ленинский принцип уравниловки тоже был принят в советском обществе, которое изначально замышлялось как общество бедных людей, хотя подкормка определенных слоев была. Это партийная и советская номенклатура, военная и культурная элита, работники силовых ведомств. У них было спецснабжение, спецпайки из дефицитных продуктов и дополнительная зарплата в конвертах, не облагаемая налогами и партийными взносами. Руководящим товарищам полагалась прислуга, «как у графьев». Высоко оплачивался труд квалифицированных рабочих и ударников. Но основная масса населения сидела на небольших окладах, которые понемногу росли, не удовлетворяя людей. А те, у кого были деньги, не знали, куда их потратить, потому что советская распределительная система товаров и услуг была перманентно дефицитной, чему тоже была причина.

Ленина не страшила крупная буржуазия и помещики, потому что их было мало и их собственность большевики быстро экспроприировали. Ленина страшила стихийная «буржуазность» народных масс, под которой он понимал предпринимательскую активность граждан, особенно крестьянства, и борьбе с этой «буржуазной стихией» он придавал большое значение. «Нельзя забывать ни на минуту, – говорил Ленин, – что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне... заговорами и восстаниями... а с другой стороны, эта

стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, – борьбу надо вести и принуждением».

Ленин требовал подавлять экономическую активность граждан, существовавшую помимо воли Советского государства, которое должно было всё произведенное своими работниками изымать и распределять. Частная торговля и предпринимательство рождали капитализм, являвший собой угрозу советской власти. Для Ленина это была политическая проблема. Он писал: «Все навыки и традиции буржуазии вообще и мелкой буржуазии особенно идут против государственного контроля, за неприкосновенность „священной частной собственности“, „священного“ частного предприятия... Борьба за внедрение в массы идеи советского государственного контроля и учета, за проведение этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на „частное“ дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая „только меня касается“, – эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознатель-

ности против буржуазно-анархической стихийности».

В том, что Ленин экспроприировал собственность крупной буржуазии и помещиков, есть резоны, ибо крупные богатства ведут к созданию олигархического капитала, который подминает государство и общество. Но, подавляя «буржуазность» миллионов простых людей, Ленин и его адепты душили экономическую инициативу граждан, которая является двигателем экономики, особенно в сфере мелкого производства, торговли и услуг. В СССР допускался коллективный артельный труд, ремесленный труд некоторых категорий работников, но мелкого и среднего предпринимательства как способа производства добавочной стоимости частным лицом не существовало, потому что его запретил Ленин, боясь возрождения класса мелкой буржуазии, которая может свергнуть советскую власть. К тому же буржуазия жила бы лучше пролетариев, чего Ленин тоже допустить не мог.

Ныне очевидны экстремизм и нелепость ленинской экономической доктрины, противной человеческой природе, но она была положена в основу советской общественно-экономической системы, породив в ней три корневых порока: низкую эффективность экономики, низкую мотивацию труда, отсутствие предпринимательской активности населения в сфере товарного производства, торговли и услуг, что рождало товарный дефицит и связанный с ним «букет» проблем. Трудовые подвиги 1930-х годов покоились на энтузиазме огромной массы взращенных революцией молодых лю-

дей, свято веривших в светлое будущее, куда их вела «родная партия» и ее вождь. Но поскольку со временем «верующих энтузиастов» становилось всё меньше, а людям хотелось хорошо жить, часть советских граждан (особенно «наверху») стала изыскивать возможности такое желание удовлетворить. На этой почве возникли и разрослись теневая экономика, черный рынок, спекуляции, хищения «социалистической собственности» и финансовых средств. Появилась подпольная советская буржуазия и должностная коррупция, разлагавшие и разрушавшие советскую власть.

Был еще один корневой порок советской системы. Советское общество было обществом скрытой и со временем обострявшейся сегрегации². Она может быть по национальному (Польша при Ю. Пилсудском, нынешняя Прибалтика), расовому (ЮАР, Третий рейх), классовому или имущественному признаку (послереволюционная Советская Россия, СССР). В послевоенном Советском Союзе сложился особый вид разделения людей – по членству в КПСС. Советское общество разделялось на две социальные группы: члены и не члены партии... Людьми в полном общественном смысле слова были только первые, их было меньшинство, но для них были открыты все двери; вторые (абсолютное большинство) были людьми второго сорта. Беспартий-

---

² Сегрегация (от позднелат. *segregatio* – отделение, обособление, удаление, разделение) – разделение людей на расовые, этнические или другие группы в общественной и повседневной жизни.

ным, за редкими исключениями, были закрыты социальные лифты, они не могли занимать руководящие должности (с определенной ступени), у них возникало много других проблем. Зато члены ленинской партии, карабкаясь по карьерной лестнице, получали доступ к должностям и должностной кормушке. Вхождение в правящую номенклатуру давало людям качество жизни, несопоставимое с условиями бытия основной массы населения. Человек с партбилетом получал статус и положенную ему ренту с пайкой; чем выше был статус, тем больше рента и пайка, а потеря статуса означала потерю всего. Желание повысить статус с положенным «приложением» побуждало партийных товарищей строчить друг на друга доносы в НКВД, что стало одной из главных причин большого террора, выкосившего партийные ряды в 1937–1938 годах. В советской истории было несколько бедствий голода: в начале 1920-х, в 1932–1933 годах, в 1947-м. Голодной смертью умерли миллионы людей, но партократия не голодала никогда, потому что партийной номенклатуре, помимо должностных привилегий и дополнительной зарплаты в конвертах, полагался бесплатный паек.

Партократия внушала народу мысль: чтобы страна жила, мы должны сытно есть, хорошо одеваться и отдыхать, лечиться в особых больницах и санаториях, учить детей в спецшколах, иметь прислугу, а народ должен исполнять трудовую повинность за пайку хлеба. На привилегиях сформировался класс «красных патрициев» («краснобаев»), возвышавших-

ся над пролетарским и полупролетарским плебсом, на который они смотрели с презрением, хотя нужно было показывать идейное единение, что порождало в правящей верхушке лицемерие и цинизм. А стремление удержать статусную ренту и забраться повыше укореняли там показное единомыслие, приспособленчество, коррупцию, показуху, интриги и кумовство. Со временем ленинская «борьба социалистической сознательности против буржуазной стихийности» закончилась победой последней, а советский социализм начал сверху гнить.

Эти процессы начались еще в конце 1950-х годов и со временем расширялись и углублялись. Советскую социально-экономическую систему, хорошо проявившую себя в предвоенные и военные времена, нужно было реформировать. После смерти И.В. Сталина такие попытки предпринимались. Их предпринимал Н.С. Хрущёв, но в силу своего самодурства и экономической безграмотности лишь наломал дров. Новая попытка была сделана после его свержения. Ее обозначил в торжественном докладе в Кремле 6 ноября 1964 года новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Контуры программы реформ составила для него группа молодых помощников, в числе которых был Г.Х. Шахназаров. Потом он вспоминал: «Важно не то, что мы и другие соавторы этого документа старались в него вложить, а то, что новое руководство сочло возможным там оставить и прокламировать в качестве своей политической линии. Так, с яв-

ным намеком в адрес Хрущёва цитировался Ленин: „У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал“. Вслед за этим говорилось о необходимости осуществлять меры по совершенствованию руководства народным хозяйством, делая это „осмотрительно, без суеты и поспешности“. Здесь же содержалась похвала XX съезду КПСС и доброе слово в адрес интеллигенции с обещанием выдвигать лучших специалистов на руководящую работу. Обращаясь к миру, новый генсек заявил о готовности покончить с ядерным оружием, „да и со всяким оружием, если на это пойдут другие государства“. Он предлагал поощрять подсобные хозяйства, делать упор на принципах материальной и моральной заинтересованности, продолжить строительство жилья и т. д.».

За «декларацией о намерениях» последовали конкретные меры. Ноябрьский (1964) пленум ЦК КПСС принял решение об объединении промышленных и сельских областных и краевых парторганизаций, устранив хаос, возникший из-за их разделения Хрущёвым. Были ликвидированы хрущевские совнархозы. На мартовском (1965) пленуме ЦК были снижены недостижимые планы производства сельхозпродукции; вводилась твердая норма поставок для республик и областей и разрешалось свободно продавать то, что произведено сверх нее; повышалась надбавка к закупочной цене на пшеницу и рожь; списывалась задолженность колхозов. А на

плenumе ЦК КПСС 29 сентября 1965 года была провозглашена программа экономической реформы в промышленности – через улучшение планирования и управления, стимулирование производства. На первый план хозяйственной деятельности выдвигались хозрасчет, использование таких категорий, как цена, прибыль, кредит. Советскому правительству, которое возглавил А.Н. Косыгин, поручили претворить нововведения в жизнь.

Эти реформы, получившие название «косыгинских», могли направить советскую экономику в позитивное русло и предотвратить системный кризис, назревший десятилетие спустя, но им не суждено было осуществиться. Помешала косная партократия, хотя лично Брежнев поначалу был «за». Вот что потом писал Шахназаров: «За временем Брежнева прочно закрепилось понятие „застойного“. Но ведь никуда не уйдешь от того, что и у этого упадка было неплохое начало. Продолжи тогда сравнительно не старый, еще полный энергии генсек начатый курс, своего рода русский вариант дэнсяопиновских реформ, вполне возможно, что сейчас мы жили бы в Советском Союзе, не уступающем по мощи и благоденствию другим развитым странам мира. Увы, этому не суждено было случиться. Помешало многое: паническая боязнь после сумбурных реформаторских опытов Хрущева вновь „наступить на грабли“, отойдя от привычных, десятилетиями проверенных и не так уж плохо себя зарекомендовавших методов управления. Сказался страх партгосномен-

клатуры хоть в малой степени выпустить из рук контроль над общественным богатством. Тогда ведь, в отличие от перестроечных времен, о необходимости нового нэпа осмеливались говорить лишь в узком кругу специалистов. Не говоря уж о рынке, концессиях, офшорных зонах и прочих ужасах... Пожалуй, еще больше помешали реформам положительные факторы. Сравнительно легкий доступ к энергетическому сырью в сочетании с высокими мировыми ценами позволял продержаться за счет нефтедолларов. Не было официально признано, что возможности экстенсивного развития в стране исчерпаны. Словом, при немалом числе недовольных, критически настроенных или просто сомневающих людей все-таки не стала еще общей мысль „так дальше жить нельзя“. Прожить так еще несколько лет можно было, не отдавая себе отчета в том, что это жизнь под негласным девизом: „После нас хоть потоп“»³.

Шахназаров назвал главную причину провала «косыгинских» реформ: *«страх партгосноменклатуры хоть в малой степени выпустить из рук контроль над общественным богатством»*. Богато и сыто жить имели право только они. Народ должен был выживать и, не ропщя, строить коммунизм. Недееспособная, разлагавшаяся советская правящая элита из локомотива развития страны превратилась в тормоз. Эти люди думали не о развитии экономики и обще-

---

³ *Мосякин А.Г.* Третья русская революция. От горбастройки до Путина. М.: Вече, 2021. С. 218–219.

ства, а о сохранении своей власти и социального положения со всеми его благами. От гнилой политической надстройки процесс гниения пошел в народные низы и к концу брежневской эпохи обрел фатальный размах.

В начале 1980-х годов советская общественно-политическая система пребывала в состоянии деградации, застоя и разложения. Партийно-государственный аппарат погряз в неблагоприятных деяниях. Политическая элита превратилась в безвольную однородную массу, «связанную одной цепью, спаянную одной целью», в которую не верил никто, а теневая экономика и всеобщий дефицит рождали специфические «производственные» отношения, по сути являвшие сплошной криминал. Расцвели советские «мафии». В каждом городе существовала «торговая мафия». Были этнические (в основном «кавказские») и ведомственные «мафии»: «меховая», «бриллиантовая», «золотая», «рыбная», «икряная», «антикварная» и другие. Они формировались в столице и провинции, и чем теплее был регион, чем ближе находились море и порт, тем масштабнее была деятельность королей теневого рынка, подмявших под себя советскую власть. Республики Кавказа и Средней Азии являли собой криминогенные государства, где слились воедино власть, «мафии» и криминалитет. В Москве, помимо прочих, сформировалась «кремлевская мафия», в которую были вовлечены представители высшей власти и члены их семей. В коррупцию погружались и правоохранительные органы. Единственной

более-менее «чистой» структурой был КГБ, и когда в ноябре 1982 года к власти в СССР пришел многолетний шеф этого ведомства, страну сотрясла череда громких криминально-коррупционных дел с политической начинкой, которые прокладывали председателю КГБ дорогу к вершине власти. Таких дел было множество, упомяну лишь некоторые из них.

Социализм, колбаса и власть

На закате брежневской эпохи развернулась жесткая схватка за власть кремлевских группировок, где выделялось противоборство между 1-м секретарем МК КПСС Виктором Гришиным и министром внутренних дел Николаем Щёлоковым и их оппонентом – главой КГБ Юрием Андроповым. На почве этого противостояния возникло дело директора московского гастронома № 1 («Елисейский») Юрия Соколова. Он был легендарной личностью в сфере столичной торговли. Герой-фронтовик, командир взвода 120-мм минометов, в 23 года закончил войну, имея пять ранений, орден Красной Звезды и медали. После войны сменил много профессий. Работая в конце 1950-х таксистом, попал под провокацию агента ОБХСС и отсидел полтора года в колонии якобы за обман клиента. Освободившись, в 1963 году устроился продавцом в один из столичных магазинов, сделал стремительную карьеру и в 1972-м стал директором главного гастронома Москвы. Обстоятельства его взлета до сих пор неясны, но очевидно, что его двигали «сверху», чтобы поставить на это место.

Соколов показал себя изобретательным предпринимателем, который в постсоветские времена стал бы крупным бизнесменом, но тогда ему пришлось изворачиваться в тисках советской распределительной системы торговли. Схема,

придуманная Соколовым, была гениально проста. По советским нормам, пятая часть продуктов, поступавших в сеть госторговли, подлежала списанию по причине порчи, хотя списывали больше. Соколов купил современные финские холодильники, которые втрое удлинляли сроки хранения продуктов (снизив порчу почти до нуля) и увеличил оборот скоропортящихся товаров. В результате возникли неучтенные излишки продовольствия, которые можно было на бумаге списать, а на самом деле продавать в московские рестораны или снабжать ими через стол заказов (служебный вход) нужных людей. Соколов наладил прочные связи с заводами-поставщиками, директорами продуктовых баз и создал, быть может, лучший гастроном страны, ставший визитной карточкой Москвы, наряду с Кремлем. «В магазинах не всегда можно было найти даже селедку, а в „Елисеевском“ она была всегда, притом свежая, как и колбаса „Докторская“ и многое другое», – вспоминали его покупатели. Соколов содержал магазин в идеальном состоянии, заботился о чистоте прилавков и внешнем виде всегда вежливых продавцов (иных увольнял), которым помогал по жизни, и они были благодарны ему.

Говорили, что Соколов «за колбасу купил всю Москву», и это не было преувеличением. Телефон в его кабинете разрывался от звонков: кто-то звал его на премьеру в театр или кино, кто-то сулил импортную обувь или одежду, кто-то – путевку в элитный санаторий, кто-то – иностранный автомо-

биль, а от него все хотели получить пакет со вкусной едой, – и он их через стол заказов выдавал. Через «Елисеевский» гастроном дефицитным продовольствием (копченые колбасы, окорока, черная и красная икра, балык, свежие фрукты) снабжалась чуть ли не вся правящая верхушка Москвы, включая семью «дорогого Леонида Ильича», чья дочь была частым гостем в кабинете Юрия Константиновича.

Сейчас невозможно вообразить, чтобы представители российской власти ходили за продуктовыми наборами с черного хода к директору гастронома; в советские времена это было повсеместным явлением, и Соколов был одним из тысяч. Обычной была и коррупционная схема, в которую он попал. Каждый месяц Соколову приносили в конвертах деньги директора филиалов «Елисеевского», заведующие отделами его магазина и поставщики. Он передавал крупные суммы денег своему шефу – начальнику Главного управления торговли Мосгорисполкома Николаю Трегубову, а тот отсылал деньги выше – партийно-государственной власти, крышевавшей коррупционную пирамиду. Взятки давались и поставщикам продуктов, чтобы они поставлялись регулярно, в нужном ассортименте, количестве и качестве, поскольку от этого зависели обороты торговли и выручка магазина. Взятки в советской торговле давали все. Беда директора гастронома № 1 состояла в том, что конечным получателем взяток была правящая верхушка страны, вплоть до членов Политбюро, а его постоянными клиентами были главные враги Ан-

дропова – Гришин и Щёлоков. На этом политическом замесе возникло «дело гастронома № 1». Уже в наши дни следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Владимир Калиниченко сказал: «Это дело нужно было Андропову и Горбачёву, чтобы убрать Гришина, который был препятствием на первую роль в государстве».

Операцию «Паутина» рвавший к власти Андропов закрутил в начале 1982 года, при живом Брежневе. Ее осуществляли сотрудники КГБ, поставившие в центр внимания Юрия Соколова, поскольку именно от него начиналась цепочка коррупционных связей, шедшая на самый верх. Первыми арестованными по этому делу стали директор московского магазина Внешпосылторга («Березка») Борис Авилов и его жена, работавшая заместителем Соколова в «Елисеевском» магазине. При обысках у них на квартире, а также в рабочем кабинете Авиловой были найдены 60 тыс. долларов. По тогдашним временам – огромные деньги. К тому же в СССР за хранение иностранной валюты и валютные операции полагалось суровое наказание, вплоть до высшей меры. Оказавшись под «валютным прессингом», Авилова (ее муж повесился в Лефортовской тюрьме) дала нужные показания против Соколова. И процесс пошел.

За Соколовым велось плотное наблюдение, а в его рабочем кабинете, помимо «жучков», установили в вентиляционной отдушине портативную кинокамеру, так что чекисты видели всё происходившее там. 30 октября 1982 года Соко-

лов был задержан в своем кабинете при получении взятки в размере... 300 рублей (!!) от заведующего рыбной гастрономией его магазина. Сумма была смешной, и Соколов заявил, что его подчиненный просто отдал ему личный долг. Тем не менее на него надели наручники и вывели не через служебный, а через главный вход, на виду у всех работников и посетителей магазина. Сделали это специально, чтобы вся Москва заговорила об этом и чтобы вызвать шок у московских коррупционеров, которых обслуживал Соколов.

При обыске на его даче нашли около 50 тыс. рублей, хотя предполагали найти миллионы. Происхождение денег Соколов объяснил многолетними накоплениями, своими и своей жены, которая тоже работала в «Елисейском». Известный в Москве оранжевый «мерседес» Соколова был списан в польском дипломатическом представительстве, и Соколов по блату купил его за 4700 рублей, отремонтировал и ездил. Об остальном Соколов молчал, прицепиться было не к чему, расследование рассыпалось. И оно бы сошло на нет, если бы не одно обстоятельство. Все люди, которых Соколов в буквальном смысле слова кормил, а еще клал конверты в карман, после ареста забыли о нем. Гришин в борьбе с Андроповым боялся политически скомпрометировать себя, а остальные просто боялись. Все эти люди, клявшиеся в дружбе и обещавшие помощь «в случае чего», предали Соколова, и это предательство его мучило. На эту слабую точку давили следователи Лубянки, и в конце концов додали. Решаю-

щим стал разговор Соколова с генералом КГБ, курировавшим расследование: в обмен на чистосердечное признание генерал гарантировал Соколову минимальное наказание – 5–7 лет из светивших 15. И Соколов заговорил.

Это породило волну уголовных дел, которая к осени 1983 года превратилась в цунами. Владимир Калиниченко потом вспоминал: «Было огромное количество обвиняемых. Мы столкнулись с делами, где Дворца съездов в Кремле не хватает для подсудимых». По сути, вся властная верхушка в Москве, являвшая собой гигантский коррупционный спрут, оказалась под колпаком Лубянки. Было арестовано почти всё руководство московской торговли, а также директора крупных столичных гастрономов («Новоарбатского», гастронома ГУМа, торго «Гастроном», Мосплодовоощпрома, Диетторга и др.). Именно тогда в следственных материалах впервые появилось знакомое советским людям по итальянским фильмам слово «мафия». Остававшиеся на свободе члены этой мафии пребывали в состоянии перманентного ужаса. Не выдержав гнетущего ожидания ареста, покончил с собой директор гастронома «Смоленский» Сергей Нониев. Другие, как в 1937 году, сидели в ожидании, собрав арестантский чемоданчик.

Осенью 1984 года, когда Андропова уже не было в живых, в Верховном суде СССР начался закрытый судебный процесс. Закрытым он был для общественности и народа. Однако в зале суда, кроме родственников подсудимого, нахо-

дились оставшиеся на свободе представители «торговой мафии» и высокопоставленные чиновники, которые пребывали в страхе и смотрели в рот говорившему Соколову, словно кролики в пасть заглатывающего их удава. Чем дальше шел процесс, тем всплывали всё более неприглядные факты для власти и всей советской общественной системы. Соколов на конкретных примерах доказывал невозможность честной работы в советской торговле и, наконец, он извлек на свет черную рабочую тетрадь с подробными записями, где оказалось такое, от чего все находившиеся в зале суда пришли в замешательство. Соколов стал называть фамилии «неприкасаемых» персон из высшего партийно-государственного руководства, которые находились на содержании «торговой мафии». Когда он произнес фамилию члена Политбюро ЦК КПСС Гришина, судья прервал заседание.

После этого процесс быстро свернули. Верховный суд приговорил Юрия Соколова к смертной казни (расстрелу) с конфискацией имущества и лишением всех званий и наград. 14 декабря 1984 года приговор был приведен в исполнение. Кенотаф расстрелянному директору «лучшего гастронома СССР» установлен в Москве на Введенском кладбище. Примечательная деталь: когда огласили приговор, то присутствовавшие в зале люди, которые много лет знали Соколова и дружили с ним... заплодировали. Смертельно напуганные, они пытались доказать свою лояльность власти и были рады, что этого «удава», который мог «проглотить» их, не будет в

живых.

Однако несоответствие строгости приговора тяжести содеянного Соколовым было очевидно всем. Куда более крупного коррупционера, начальника московской торговли Н.П. Трегубова приговорили к 15 годам лишения свободы, остальные обвиняемые получили разные сроки. Были шокированы и следователи КГБ, расследовавшие это дело. Они предполагали, что Соколову дадут 10–12 лет, но никак не расстрел. Один из них после оглашения приговора подошел к жене Соколова и сказал: «Это не мы, это было решение горкома». Скорее всего, так и было. После смерти Юрия Андропова в феврале 1984 года группировка 1-го секретаря МГК КПСС Виктора Гришина сильно укрепила свое влияние. Эти люди не были заинтересованы в том, чтобы Соколов выжил. Он слишком много знал и должен был навсегда замолчать, и его заставили замолчать. «Елисейское» дело стало крупнейшим уголовным делом о хищениях и коррупции в советской торговле. Его материалы до сих пор засекречены. Исчезла и черная тетрадь Юрия Соколова, содержащая убойный компромат на советскую государственную систему.

Раскрутив «дело Соколова», Юрий Андропов нанес сильный удар по своим врагам, и те решили перейти в контратаку и доказать, что и они не лыком шиты. В пику московскому «делу гастронома № 1» глава МВД Николай Щёлоков решил в 1983 году раскрутить свое громкое дело против «торговой мафии», а местом действия выбрал Ростов-на-Дону,

где давно всем заправляла крупная мафиозная группировка, которой руководил начальник Управления торговли Ростовской области Константин Будницкий, имевший высоких покровителей в Москве и кормивший местное начальство. Он был некоронованным королем Ростова, а тех, кто ему мешал, уничтожал.

Операция по «раскрутке» Будницкого и К° получила оперативное название «Трест». Поскольку ростовская милиция и прокуратура были не в состоянии справиться, в Ростов была направлена большая группа следователей из центрального аппарата МВД и Генпрокуратуры СССР. Они рьяно взялись за дело и при помощи честных ростовских милиционеров довольно быстро раскрутили очень крупное мафиозное дело, по которому на скамье подсудимых оказалось около 60 человек, включая Будницкого, чей покровитель в Ростовском обкоме КПСС застрелился из двустволки.

В операции «Трест» было два любопытных сюжета. «Героем» одного из них стал директор мясного магазина при заводе Ростсельмаш Владимир Уркин. Это был особенный магазин. Ростсельмаш был крупнейшим производителем зерноуборочных комбайнов, на его долю приходилось около 40 % мирового производства, а вот мяса и мясных продуктов в городе не было, почти всё уходило из госторговли «налево». Чтобы подкормить заводчан, ЦК КПСС принял закрытое постановление об открытии при заводе мясного магазина для его работников, где мясо продавалось по льготным це-

нам. Если в обычном городском гастрономе мясная вырезка по прејскуранту стоила 2 руб. 50 коп., то в магазине при Ростсельмаше она стоила 1 руб. 60 коп. И вот на этой разнице в цене и пересортице (продаже мяса с костями по цене вырезки) вор в законе Володя Уркин сделал миллионное состояние. Этому преступлению придали политический окрас, и Уркина приговорили к расстрелу, хотя глава «ростовской мафии» Будницкий получил 15 лет и через три года умер от сердечного приступа в колонии строгого режима.

Второй сюжет связан с деятельностью в те же годы в Ростове-на-Дону «банды санитаров», наводившей ужас на зажавшуюся ростовскую верхушку, цеховиков, спекулянтов драгоценностями и членов «торговой мафии». Под видом врачей скорой помощи бандиты проникали в жилища, оказавшихся на месте хозяев и свидетелей убивали, квартиры грабили, а потом шумно гуляли в ростовских ресторанах, иногда снимая для пьянок и оргий целые гостиницы или дома отдыха на «левбердоне» (левый берег Дона). Свое первое преступление бандиты совершили 5 февраля 1980 года, зарубив топором известную в городе скупщицу и продавщицу драгоценностей Ларису С. Расследовать убийство взялся начальник городского отдела уголовного розыска Юрий Закшевер – человек смелый и честный, но на него оказали такое давление, что он был вынужден закрыть дело. Потом по Ростову прокатилась серия жестоких убийств, вызвавших общественный резонанс.

Следственную группу по их расследованию возглавил замначальника Управления уголовного розыска УВД Ростовского облисполкома Амир Сабитов. Следователям было ясно: бандиты знали, кого грабить. Одной из жертв оказалась 80-летняя старушка, жившая в бедной квартирке на окраине города. Бандиты запытали ее до смерти, но ничего не нашли. Когда же следователи провели тщательный осмотр места преступления, то обнаружили в ветхом матрасе, на котором спала старушка, холщовый мешок с золотыми царскими рублями и драгоценностями. Как признались потом сыщики, они никогда в жизни таких не видели. Кем была та старушка, так и осталось тайной.

Следствие шло, но банду не удавалось накрыть, потому что у «санитаров» были сильные покровители. Наконец, через осведомителя оперативники вышли на их след. Оказалось, что членами банды были наркоманы, которых возглавлял член КПСС, владелец двух дипломов с высшим образованием Зафас Барцец, работавший прорабом на крупной ростовской стройке. Отследили его связи и выяснили, что Барцеца крышевал известный в городе и области цеховик, криминальный авторитет Касеян. Когда он ехал на своей черной «Волге» по Ростову, то постовые отдавали ему честь. Касеян в таких случаях останавливал машину, давал постовому «в лапу» четвертак и говорил: «Спасибо, что знаешь меня». Постовые его всегда узнавали. На содержании у Касеяна была и ростовская партийно-государственная верхушка, покрывав-

шая его и тех, кого он покрывал, поэтому банда «санитаров» долго была неуловимой.

Взяли их только в ходе операции «Трест». Но бандитов кто-то предупредил, они разбежались по всему Союзу и ловить их пришлось поодиночке. Переловили, под охраной доставляли в Москву. Один из них (правая рука Касеяна, некто Айвазян) завязал в самолете драку и попытался выпрыгнуть, его с большим трудом удалось скрутить. Потом был суд, но бандиты получили небольшие сроки. К высшей мере был приговорен только один из них, остальные легко отделались; главарь банды получил девять лет. Потом бандиты вышли на свободу и отличились уже в «лихие 1990-е». Секрет такой мягкости приговора был прост: Зафас Барцец принадлежал к «сливкам» советского общества. Его отец был директором сухумского рынка. Дядя был прокурором Абхазии, а другой дядя занимал высокий пост в Министерстве внешней торговли СССР. Освободились после отсидки и некоторые члены «мафии Будницкого». Один из них, Юрий Б., откопал закопанный в огороде баллон с деньгами и в конце 1980-х стал уважаемым в Ростове бизнесменом.

«Ростовское» дело было слепком «московского», и оба были делами «системы». Такими же делами были хищения государственных средств, которые широкой рекой текли из Москвы в «братские» союзные республики. Таких дел было множество, но самым масштабным стало так называемое «хлопковое дело», в котором оказалось замешано практи-

чески всё руководство Узбекской ССР. В феврале 1983 года Политбюро ЦК КПСС приняло «Постановление о расследовании злоупотреблений в хлопководстве Узбекистана» и поручило Прокуратуре СССР создать следственную комиссию, куда вошла группа следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, которых поначалу возглавляли Тельман Гдлян и Николай Иванов, а потом другие следователи. За шесть лет они проделали большую работу, вскрывшую колоссальный масштаб коррупции, приписок и расхищения государственных средств, имевших место в Узбекистане. При сборе хлопка использовался бесплатный труд школьников, чьи зарплаты присваивали местные баи. Урожай хлопка значительно завышался, а бюджетные деньги, выделенные из Москвы под эти липовые урожаи, расхищались «хлопковой мафией», которая, чтобы скрыть факты приписок, гоняла по стране порожняком товарные эшелоны, якобы груженные хлопком.

Украденные у государства гигантские деньги (около 4 млрд руб.) узбекские краснобаи переводили в золото, драгоценности, автомобили, антиквариат или закапывали в трехлитровых баллонах или молочных бидонах под гнездами ядовитых змей, поскольку вывезти из СССР эти награбленные деньги они не могли. Обыски у коммунистической элиты Узбекистана дали ошеломляющие результаты. У одного из секретарей райкома партии при аресте изъяли 19 млн руб. и 200 кг золота в виде слитков, монет и ювелирных из-

делий. В Кашкардарьинской области другой секретарь райкома «добровольно» сдал 5,4 млн руб. и 500 тысяч облигациями «Золотого займа». Следователи не поверили, что сдал всё, провели обыск и нашли еще 10 млн руб., 300 тыс. долларов США и 80 кг золота. У секретарей обкомов и членов ЦК Компартии Узбекистана богатств было гораздо больше.

По «хлопковому делу» было возбуждено 800 уголовных дел, по которым осуждено на разные сроки лишения свободы свыше 4 тыс. человек, включая почти всё партийно-государственное руководство Узбекистана, а некоторые фигуранты дела были расстреляны. Под следствие попали не только представители властной верхушки Узбекистана, но и такие знатные «трудовики», как глава крупнейшего в Узбекистане агропромышленного объединения имени Ленина, Герой Социалистического Труда А. Одилов (Адылов). Венчал эту грандиозную мафиозно-коррупционную пирамиду сам 1-й секретарь ЦК Компартии Узбекистана, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, друг Брежнева Шараф Рашидов, скончавшийся 31 октября 1983 года якобы от сердечного приступа, хотя говорили, что он покончил с собой. Рашидова с помпой похоронили в центре Ташкента, хотя потом его прах перенесли на кладбище. В ходе следствия сменивший Рашидова И.Б. Усманходжаев стал давать показания о причастности к коррупции членов Политбюро ЦК КПСС, но его показания якобы не подтвердились. Следствием «хлопковой лихорадки» (погони за уро-

жаем, от которого зависел размер поступавших в республику финансовых средств) явилась экологическая катастрофа – обмеление Аральского моря, потому что для получения повышенных урожаев высасывалась вода из Амударьи и Сырдарьи.

Нельзя не вспомнить и грандиозное дело Министерства рыбного хозяйства СССР, которое расследовала бригада из 120 следователей Генпрокуратуры и КГБ. Это министерство являло собой гигантскую криминально-коррупционную структуру, хотя возглавлял ее легендарный министр – создатель могучего рыболовецкого флота СССР, Герой Социалистического Труда Александр Ишков. Вопрос о причастности министра к неблагоприятным делам подчиненных так и остался открытым, но то, что творилось в его министерстве, представляло собой сплошной криминал, который охватывал всё: рыболовецкие траулеры и плавбазы, всесоюзную сеть магазинов «Океан», московскую спецбазу рыбопродуктов № 208, столичные и провинциальные рестораны, чиновников министерства. В ходе следствия были выявлены десятки криминальных сюжетов. Самым известным из них стал вывоз в банках из-под кильки за границу черной икры, которую продавали, а вырученную валюту оприходовали. Эту примитивно-гениальную схему придумали директор центрального московского магазина «Океан» Владимир Фишман и начальник сети этих магазинов Ефим Фельдман. Схема работала несколько лет, «навар» составлял тысячи процентов! По де-

ду Минрыбхоза на скамье подсудимых оказались сотни человек. Замминистра Владимир Рытов (по кличке Боцман) был приговорен к расстрелу. Когда следователи пришли к Брежневу за санкцией на арест Ишкова, он сказал: «Министр мог не знать», – и его тихо отправили на пенсию.

Таких криминально-политических дел были десятки. Можно вспомнить «сочинско-краснодарское дело», фигурантами которого были руководители главного курорта страны и 1-й секретарь Краснодарского обкома партии Сергей Медунов. Были громкие дела «торговой мафии» в республиках Северного Кавказа и Закавказья; дела о хищениях золота в Сибири и на Колыме и связанное с ними дело ингушской «золотой мафии». Были дела о «кремлевской» контрабанде, в том числе дело «бриллиантовой мафии», в котором засветилась дочь Брежнева.

Почти все фигуранты этих дел были членами КПСС, занимали ответственные посты и принадлежали к элите советского общества. Юрий Соколов был членом бюро райкома, его начальник Николай Трегубов являлся депутатом Верховного Совета РСФСР, а Ахмаджан Одилов был членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС. Членство в партии дало этим людям и сонму других доступ к коррупционной кормушке, а дорвавшись до нее, они воровали, хапали, занимались криминальным бизнесом и кровавой уголовщиной. Многие из них участвовали в войне, а проходивший по «елисеевскому» делу директор плодоовощной базы Мхитар

Амбарцумян, приговоренный судом к расстрелу, штурмовал Рейхстаг, а потом был участником Парада Победы. В 1945 году эти люди защищали родину и освобождали от фашизма Европу, а в начале 1980-х хотели богато и сыто жить, погрязли в стяжательстве, занимались контрабандой бриллиантов и черной икры, брали взятки и обворовывали государство и народ.

Произошла криминализация правоохранительных органов, особенно «щёлоковского» МВД. Многие шли в милицию ради наживы и наживались за деньги криминалитета, а сам министр коллекционировал произведения искусства, проходившие по уголовным делам. На этой почве развернулась ведомственная война между Щёлоковым, которого покрывал Брежнев, и Андроповым. Дошло до того, что 26 декабря 1980 года группа пьяных сотрудников линейного отделения милиции на станции метро «Ждановская» (ныне «Выхино») убила заместителя начальника секретариата КГБ СССР майора Вячеслава Афанасьева. Невиданное по своей наглости преступление быстро раскрыли, виновных наказали, дело замяли (о нем стало известно позже). Но поражает мотив преступления: майора госбезопасности пьяные «менты» убили... из-за колбасы. В тот день на службе Вячеславу Васильевичу выдали продуктовый паек, куда среди прочего входила палка копченой колбасы (возможно, из «Елисейского») и бутылка коньяка. Поздно вечером по пути домой он уснул в вагоне метро, а когда его разбудили, то он вышел,

забыв портфель с новогодним пайком. На него и позарились работники транспортной милиции, которым передали находку. А когда Афанасьев вернулся и заявил, что это его портфель, пьяные «менты» разъярились и сначала избили майора КГБ до полусмерти, выпили его коньяк, съели колбасу, а потом вчетвером вывезли за город и добили. «Спецоперацией» руководил начальник линейного отдела милиции, заставивший каждого из своих подчиненных ударить лежащего в грязи человека монтировкой по голове, повязав всех кровью. Этот милицейский майор (застреленный при аресте) был членом КПСС, а его подчиненные собирались вступить в ленинскую партию.

Деградация и разложение правящей «элиты» приняла масштабы, угрожавшие существованию страны. В доходный бизнес превратилось само членство в КПСС. Один из моих грозненских друзей (сотрудник НИИ) в 1980 году решил вступить в партию. Пошел в райком, написал заявление о приеме, прошел собеседование, получил подробный инструктаж и спросил: «Это всё?» В ответ инструктор райкома написал на бумажке «3000» и показал ему. То есть заплати три тысячи рубликов (деньги тогда немалые) – и ты будешь в партии. У него таких денег не оказалось, и в партию он не вступил. «Работяг» в партию принимали скопом, но если ты из «гнилой» интеллигенции или других «социально чуждых» слоев населения, то за членство в партии приходилось платить. Райкомовский инструктор делился с секретаря

рем райкома, тот давал деньги выше, оттуда они шли еще выше. Не знаю, покупалось ли членство в Политбюро, но к началу 1980-х годов на Кавказе и в Средней Азии все партийно-государственные и «хлебные» должности были покупными и подкупными. Такое (быть может, в меньшем масштабе) творилось всюду. Люди знали кому, сколько и за что заплатить. Это была тотальная коррупционная система.

Признаки агонии

Таким на стадии «развитого социализма» было состояние советского общества, якобы строившего коммунизм. Какой коммунизм (?!), если верхи половины республик СССР являли собой злокачественные коррупционно-мафиозные образования, метастазы от которых расплзались по всей стране, а центром государственной коррупции стала Москва. Если такие явления единичны, то причина их – человеческий фактор, но, если они приняли такие масштабы, значит, их корни крылись в пороках советской социально-экономической системы и лежавшей в ее основе идеологии. Через шесть десятилетий после Октябрьской революции в стране сложилось общество, очень далекое от того, каким оно виделось основателям Советского государства, скорее, это был его антипод.

Советский общественно-экономический строй изначально замыслился как общество бедных, убежденных в своей правоте людей, призванных уничтожить имущественное неравенство и через это установить во всем мире царство социальной справедливости и всеобщего счастья. Эти утопические идеи охватили как узкие образованные круги и революционеров, так и широкие массы пассионарной молодежи, составлявшей в предреволюционной России половину населения. Ведомые большевиками миллионы «заряжен-

ных революцией» молодых людей одолели врагов в Гражданской войне, сотворили индустриализацию и победили в самой страшной в истории войне. Возвращенные революцией два поколения энтузиастов восстановили разрушенную войной страну, создали ракетно-ядерное оружие, запустили в космос первый спутник и первого человека. В массе своей советские люди были очень неприспособлены. Они готовы были и дальше строить светлое будущее за маленькую зарплату, куцые потребности и скудный паек. Но, помимо низов, в советском обществе были еще верхи, и беда советского общества заключалась в том, что оно было в принципе антиэлитарным. Любой правящей элите во все времена свойственны две страсти: к власти и богатству. Жажду власти своей элиты советский строй по-своему утолял, а вот жажду богатства, неотчуждаемого имущества и денег, легально утолить не мог, и «забивал» их идеологией.

Между тем эти «буржуазные» желания проявились у красной номенклатуры уже в первые годы советской власти, и чем дальше, тем сильнее они становились. Это было коренное противоречие советского строя, которое со временем всё сильнее проявляло себя и в итоге привело к тому, что большая часть правящей верхушки разочаровалась в коммунистической системе и была готова сбросить ее идеологические и политические оковы ради личных выгод. В СССР выросло «элитное племя» лицемерных карьеристов, очковтирателей и стяжателей, прикрывавшихся высокой идеей. Это были

могильщики коммунизма, ведшие советскую страну в могилу. Глядя на них, простой народ тоже разуверился в коммунизме, а Ленин стал героем анекдотов. Не верили и в компартию как руководящую и направляющую силу общества, потому что сама 18-миллионная партия не знала во что она верит, превратившись из «скрепа веры» в оторванную от народа, прогнившую государственно-бюрократическую машину, которая что-то внушала людям, но эти внушения никто не воспринимал, потому что за ними скрывалась Большая ложь. Тем не менее на распространение по миру «вечно живого учения» тратились огромные деньги, заработанные трудом советских людей.

В январе 2020 года последний глава СЕПГ, а до того – вожак Коммунистического союза молодежи ГДР Эгон Кренц, в интервью корреспонденту газеты «Аргументы и факты» вспомнил такой сюжет: «В 1963-м я начал учиться в Москве и жил в одной комнате с русским парнем. Однажды кладу одежду в шкаф и замечаю – мой сосед на меня внимательно смотрит. Я убрал зимние, летние вещи, еле запихнул внутрь. И Володя произнес: „Эгон, ты знаешь разницу между социализмом и коммунизмом?“ Показал на мой шкаф: „Это ваш социализм“. И пошел к своему шкафу, где висел один костюм: „А вот наш коммунизм. Мы помогаем вам, кубинцам, Африке... Только когда установится всеобщее братство, русские наконец нормально заживут“».

Уже в 1963 году русский комсомольский вожак видел раз-

ницу между советским коммунизмом и немецким социализмом и понимал причину этого. Со временем это увидел и советский народ. Люди задавали себе вопрос: «Почему мы должны жить плохо ради того, чтобы в „братских“ африканских странах, на Кубе, ГДР или где-то еще жили хорошо?» В торжество коммунистической идеологии и мировой системы социализма советское руководство вкладывало огромные деньги, забирая их у собственного народа, что раздражало и озлобляло людей, которые больше не хотели жертвовать собой во имя светлого будущего человечества, а хотели сами хорошо жить здесь и сейчас. Идеология и мировые амбиции КПСС вступали в противоречие с насущными интересами большинства советских людей. На закате брежневской эпохи советское общество переживало глубокий идейно-нравственный кризис, который усугубило вторжение в Афганистан.

Не лучше обстояли дела и в государственной экономике, которая с середины 1960-х годов всё время замедляла темпы роста. О нездоровом состоянии экономики знали дальновидные члены советского руководства во главе с председателем Совета министров СССР Алексеем Косыгиным, проводившим отвергнутые партийным ареопагом экономические реформы. Знали об этом и на Западе. В 1966 году 28 отобранных Экономической комиссией Конгресса США специалистов сделали пятитомное исследование «Новые направления в советской экономике» объемом более тысячи страниц, где

дали комплексную оценку состоянию экономики СССР.

Исследование страдало рядом существенных недостатков. Его авторы вынужденно обошли молчанием советскую военную промышленность. Очень мало внимания уделялось энергетическому сектору. Но в целом оценка состояния советской экономики оказалась верной. Проанализировав итоги выполнения семилетнего плана (1959–1965), авторы сборника пришли к выводу, что «развитие советской экономики отстает от американской, причем разрыв между ними в величине валового национального дохода всё время возрастает». Там впервые было сказано о наступающей стагнации советской системы. «Мы были первыми, кто ввел термин „стагнация“ по отношению к советской экономике, указав на то, что система загнивает, вступает в период застоя», – сказал много лет спустя один из составителей сборника, профессор экономики Дюкского университета Владимир Тремль.

Это исследование вызвало жгучий интерес в Москве. В августе 1966 года Отдел информации ЦК КПСС составил секретную записку для Политбюро, где подверг критике выводы американских экономистов, предложил провести ряд акций контрпропаганды и... тайно переиздать сборник на русском языке для служебного пользования узким слоем высшей партийной номенклатуры. Советский народ о выводах американских экономистов, разумеется, ничего не знал, но со временем то, что было очевидно немногим, стало оче-

видно всем – по уровню жизни, товарному дефициту и полупустым полкам магазинов. От изобилия западных супермаркетов советские люди испытывали шок и задавали себе простой вопрос: «Почему мы так плохо живем?» А чтобы этот вопрос не задавали, людей за границу не выпускали или выпускали очень дозированно, под присмотром. Сказка про коммунизм рушилась на глазах, народ ее воспринимал как ложь, а власть продолжала лгать. В городах висели огромные транспаранты: «Коммунизм – это молодость мира и его возводить молодым!» – а молодежь не помышляла о коммунизме. Чуть ли не в каждой булочной висели плакаты с изображением Владимира Ильича в его «фирменной» кепке, который с улыбкой глядел на вас, ладошкой приветствовал и говорил: «Верной дорогой идете, товарищи!» Хотя куда брела страна и куда забрела, не ведал никто.

Юрий Андропов, выступая на июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС, сказал: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические». Он поручил группе ответственных работников и ученых-экономистов разработать курс экономических реформ, но воплотить задуманное не успел. При этом Андропов подчеркивал, что «стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент», не понимая, что этот фундамент

давно уже дал трещины и рассыпался.

Всем обрыдла геронтократия – власть немощных стариков, которые еще что-то мычали и самопередвигались, но руководить огромной страной уже не могли. Советское руководство катастрофически постарело. Иосиф Сталин возглавил ВКП(б) в 42 года. Никита Хрущёв стал главой партии в 59 лет. Леонид Брежнев сменил Хрущёва на «капитанском мостике» в том же возрасте, но после восемнадцати лет правления был болен, а уйти на пенсию ему не давало престарелое окружение, хотя все этого ждали. Юрию Андропову, когда он стал в ноябре 1982 года Генеральным секретарем ЦК КПСС, было 68 лет, а сменившему его через 15 месяцев Константину Черненко и вовсе 73. Эти люди были больны и неадекватны. Когда на XXVI съезде КПСС в марте 1981 года одному из членов партийного ареопага А.П. Кириленко поручили зачитать список кандидатов в члены ЦК КПСС, он не смог правильно произнести ни одной фамилии, потому что впал в старческий маразм, но при этом оставался членом Политбюро!

Народ отторгал кремлевских старцев, а те держались за власть, хотя время брало свое. В начале 1980-х по Москве гулял анекдот, где наступавшее время именовалось «пятилеткой трех „п“» – «пятилеткой пышных похорон». Судя по мемуарам тогдашних советских вождей и их детей, этот анекдот запал в души членов Политбюро. Да и как не запасть, если за два с половиной года в мир иной отправились три ру-

ководителя КПСС и Советского государства, не считая «серых кардиналов» (вроде не ко сну упомянутого М.А. Сулова) и прочих партийных бонз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.